

В тени старой антоновки

Анастасия Шеховцова

Анастасия Шеховцова

В тени старой антоновки

«Автор»

2026

Шеховцова А.

В тени старой антоновки / А. Шеховцова — «Автор», 2026

Ещё несколько часов назад писатель Аркадий Воронцов упивался своей славой, ловил восхищенные взгляды и даже не думал, что судьба может так быстро перевернуть всё с ног на голову. Сто километров от Москвы, пустота в кармане и полное ощущение, что он вдруг стал невидимкой. Здесь, где каждый знал каждого, чужак был не гостем, а поводом для подозрений...

© Шеховцова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В тени старой антоновки

Глава

Все персонажи, места и события вымышлены. Любые совпадения с реальностью — случайны.

Глава 1

Москва плавилась от летнего зноя. Асфальт в центре города казался мягким пластилином, в котором вязли туфли прохожих.

В 13:45 писатель Аркадий Воронцов стоял у входа в книжный магазин «Слово» и пытался расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки — она внезапно стала слишком тесной. «Сорок три года — «прекрасный» возраст для кризиса», — думал Воронцов.

Выглядел он как бунтарь: взъерошенная борода, очки в роговой оправе без диоптрий, свободная рубашка и нарочито мятые широкие брюки из премиальной конопляной ткани. Этот стиль стоил ему не дороже костюма *bespoke*, но работал так же безупречно. Читатели видели в нём «своего парня», а не миллионера от литературы. На самом деле Аркадию было плевать на тренды: ему просто лень было думать о шмотках. Комфорт всегда побеждал.

— Аркадий, там полный зал! Вас ждут двести человек! — объявила PR-менеджер Лера, выходя из прохладного служебного помещения магазина. На ней было платье цвета фуксии — абсолютно не подходящее для такой жары.

— Пожалуйста, давайте без сарказма хотя бы первые десять минут, — добавила она.

— Двести читателей пришли узнать секрет успеха, — лениво процедил Аркадий, не вынимая рук из карманов. — Секрет прост, Лерочка. Нужно родиться Аркадием Воронцовым и вовремя написать бестселлер про ранние двухтысячные. Сейчас же это актуально?

— Вы невыносимы, — закатила глаза Лера.

Аркадий лишь криво усмехнулся. Последняя его книга, «Расшифровка понедельника», была почти провальной. Он писал её через силу, вымучивая каждую строчку. Внутри была пустота. Идей для нового романа не было вообще. Его голова пухла от столичных сплетен, но перенести это на бумагу означало расписаться в собственной ничтожности.

Мысли постоянно уносили туда, куда заходить было страшно: к новостям с фронта, к аббревиатуре из трёх букв — СВО, которую в его тусовке произносили шёпотом или заменяли словом «там». Но писать об этом он тем более не решался.

Встреча прошла именно так, как он и представлял. Он сидел в кресле под софитами, потягивал тёплую воду без газа и откровенно издевался над вопросами.

— Как найти вдохновение? — тянула руку девушка с фиолетовыми волосами.

— Перестать пить кофе, — отрезал Аркадий. — А теперь расскажите мне: кто-нибудь из вас вчера был на вечеринке у Лиды Балич? Говорят, там подавали невероятно вкусных устриц?

Он отвечал на вопросы о литературе фразами из светской хроники или переводил стрелки на богемную московскую жизнь. Зал был в восторге.

Одновременно со столика, стоявшего рядом, Воронцов брал книги: книга открывалась — росчерк пера — книга закрывалась, и тут же в его руках появлялась новая. Пока читатели задавали вопросы о современной прозе, Аркадий успел расписаться на двух сотнях экземпляров.

Когда поток вопросов начал иссякать, Воронцов подозвал Леру и зашептал ей на ухо:

— Я сделал всё, что мог, — он дёрнул левым уголком рта в попытке изобразить улыбку. — Лерочка, я дезертирую.

— Вы не можете так поступить! — прошептала Лера.

Она моргнуть не успела, как Аркадий резко выпрямился и объявил на весь зал:

— Господа книголюбы! Каждый из вас прямо сейчас получит в подарок экземпляр моей книги с автографом!

Люди из зала ринулись к столику.

— Ну же, Лерочка, добавим немножечко интриги, — подмигнул писатель и начал пятиться к выходу.

Счастливые читатели радовались подаркам, а он благополучно смешался с толпой покупателей. Встреча с писателем закончилась его бегством.

На улице тем временем разворачивалась другая драма. Чёрный, тонированный Rolls-Royce Phantom припарковался недалеко от магазина. Чуть дальше, через несколько машин, остановился чёрный Gelandewagen с тремя крупными угрюмыми парнями внутри.

Водитель седана — солидный мужчина в строгом костюме — вышел протереть лобовое стекло. Мимо неспешно проходили двое бородачей в «жёваных» льняных костюмах. Они переглянулись и невольно замедлили шаг, будто что-то в этой картине их зацепило. В следующий миг один из них неловко споткнулся прямо перед ним и, взмахнув руками, рассыпал пакет с чипсами. Хрустящие ломтики веером разлетелись по зеркально отполированному капоту.

— Братан, помоги собрать! Я ж всё добро ваше столичное изгадил! — заголосил парень с пачкой чипсов в руках.

Пока водитель, чертыхаясь, стряхивал чипсы тряпкой, второй бородач молниеносным движением открыл заднюю дверь машины, схватил с сиденья большой чёрный iPhone бизнесмена Тимура Багирова и побежал вдоль книжного магазина по направлению к гелику.

Его подельник с чипсами тут же перестал быть неуклюжим и рванул через дорогу.

— Бегунки, телефон! — растерянно закричал Багиров, сидевший внутри автомобиля.

Водитель остался с шефом. А троица из Gelandewagen, которая наблюдала за «спектаклем» бородачей, уже выдвинулась навстречу воришке с телефоном. Парень явно не ожидал увидеть такую мощную подмогу, запаниковал и совершил ошибку. Не раздумывая, молниеносно нырнул в дверь того самого книжного магазина, где только что закончилась встреча писателя.

Багиров опаздывал на сделку, поэтому отдал короткий приказ старшему смены, Гоше:

— Найти. Наказать. Телефон вернуть.

Через считанные секунды Rolls-Royce растворился в дорожном потоке.

Охрана подбежала к выходу магазина и заблокировала его.

В этот момент дверь распахнулась, и появился Аркадий. Он спешил покинуть магазин. На нём были те же очки, но к образу добавилось отвратительное настроение. Лицо было хмурым. В руках — чёрный iPhone, который он раздражённо тыкал пальцем, пытаясь вызвать такси.

Гоша при виде «помятого» бородача действовал рефлекторно. Мозг отключился, включилась мышечная память клубного вышибалы.

— Стоять! Руки показал! Быстро!

Двое охранников взяли Аркадия в клещи. Третий профессионально вырвал гаджет из рук. Очки в дорогой роговой оправе упали с лица Аркадия. Затем последовал звонкий хруст: стало понятно, что очки погибли под чьим-то ботинком.

— Рот закрой! — прикрикнул Гоша на Воронцова, не успевшего даже пикнуть.

Обыскивая карманы писателя, он ловко вытряхнул ключи от его квартиры и отшвырнул в сторону. — Мужики, вы попутали... — начал голосить Аркадий, поднимая руки. — Я писатель Воронцов...

Затрещины посыпались раньше, чем он успел договорить. Один удар пришёлся точно в правый глаз, второй — в солнечное сплетение. Воздух комком вылетел из лёгких. Перед глазами всё поплыло.

— Рот закрой, ворюга, — повторил Гоша.

— Верните мой... мой iPhone... — прохрипел Аркадий, сгибаясь пополам.

Прохожие не проявили никакого интереса к происходящему.

Писателя бесцеремонно запихнули на заднее сиденье тонированного Gelandewagen. Кто-то сунул ему в рот скомканные несвежие салфетки вместо кляпа. В ход пошла и тряпка ока-

завшаяся под рукой: её разодрали на ленты и связали ими руки и ноги Аркадия. Всё это было сделано быстро и с отточенным профессионализмом.

— В девяностые братва прикопала бы тебя прямо здесь, — философски заметил один из амбалов, проверяя узлы. — Скажи спасибо, что мы другие. Времена гуманнее стали.

— Едем, Серый.

Машина тронулась. Аркадий пытался кричать, но получалось только глухое мычание. Омерзительная салфетка впитывала слюну и мешала дышать.

Его вывезли из центра в тихий переулок Замоскворечья. Выволокли из машины, пару раз приложили спиной о холодный металл багажника — больше для острастки, чем для дела. Мощным пинком втокнули в плохо закрытый кузов стоящего рядом Ford Transit и захлопнули дверь. Ему в лицо пахнуло пылью, цементом и сосновым брусом. Он затих и затаился в ожидании продолжения.

Водитель как раз выходил из пекарни с горячим лавашом. Он не заметил, как минутой ранее трое мордоворотов затолкали связанного человека в его автомобиль. Мужчина сел за руль, довольно откусил огромный кусок и покатыл домой — в село, что почти в сотне километров от МКАД.

Охрана проводила взглядом уезжающий фургон. Парни похлопали друг друга по плечам и поехали докладывать боссу о восстановленной справедливости.

А писатель уже мчался в душном кузове навстречу совершенно новой главе своей жизни и чувствовал, как дорогая рубашка пропитывается потом и цементной пылью.

Глава 2

Запах соснового бруса вьелся в ноздри. Тело затекло. Аркадий уже плохо чувствовал связанные за спиной руки. Кляп пропитался слюной, стал ещё более мерзким, и писателю наконец удалось выплюнуть его. Каждый толчок на ухабе отдавался тупой болью в рёбрах. Охрана бизнесмена поработала на славу: ничего не сломала, но изрядно помяла.

Машина наконец остановилась. Хлопнула дверь. Было слышно, как водитель отошёл куда-то в сторону. Аркадий начал кричать изо всех сил:

— Помогите! Развяжите меня!

Через несколько секунд дверь распахнулась. В кузов ворвался аромат леса и хвои.

— Ты кто? — Водитель схватил Аркадия за шиворот пыльной рубашки и одним рывком выволок наружу.

— Мужик, меня похитили и обокрали, — почти прокричал Аркадий. — Я писатель Воронцов!

Водитель осмотрел Аркадия, ухмыльнулся, достал из кармана раскладной нож и деловито освободил писателю руки и ноги. Аркадий откашливался, сплёвывая вязкую слюну. Лицо ныло, под правым глазом образовалась гематома. В целом облик Аркадия выдавал в нём не писателя, а человека без определённого места жительства.

Водитель слушал его, склонив голову набок. На лице не дрогнула ни одна мышца.

— Писатель, значит, — протянул он. — А чего ж тебя, гения, измордовали-то так? За плохую рецензию?

Он сделал шаг вперёд, бесцеремонно обнюхивая Аркадия.

— От тебя, бомжара, несёт не типографской краской, а боярышником и вокзальным бомжатником. Какой ты, нахрен, писатель.

— Я Аркадий Воронцов. А аромат — это парфюм такой, «Кирпи» называется.

Водитель громко, раскатисто расхохотался.

— Мужик, позвони моей подруге! — снова, переходя на крик, заголосил писатель. — Это единственный номер, который я помню. Набери, пожалуйста, она подтвердит, что я Воронцов!

Водитель хмыкнул, достал из кармана джинсов старенький китайский смартфон, под диктовку писателя потыкал пальцем в экран и сунул трубку Аркадию.

Гудки шли мучительно долго. Наконец на том конце раздался женский голос:

— Здравствуйте, вы позвонили Милане. Оставьте своё сообщение после сигнала.

— Милана! Слава богу! Это я, Аркаша! Милан, меня похитили, то есть ограбили, — выпалил он.

Затем он судорожно пытался набрать номер ещё раз, но водитель выхватил телефон.

— Никто трубку не берёт, — констатировал он, пряча аппарат в карман. — Всё сходится. Классика. Сейчас скажешь, что тебе денег на билет надо.

— Мне в полицию надо! — почти выкрикнул Аркадий. Голос сорвался, и ему стало стыдно. — Подкинь до ближайшего отдела, — взмолился он.

Водитель посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Лады. Только сходи справь нужду на дорожку. Нам туда дотемна надо доехать, останавливаться больше не буду.

Аркадий, хромя, отошёл на пару метров в лес, приспустил брюки и услышал удаляющийся рык мотора. Обернувшись, он увидел исчезающий в клубах пыли Ford Transit.

Писатель остался один. Он опёрся плечом на шершавый ствол сосны и закрыл глаза. Правый глаз заплыл окончательно, превратившись в узкую щель. Коронка на переднем зубе

держалась на честном слове, при каждом движении языком грозя выпасть. Дорогие рубашка и брюки выглядели теперь как грязные тряпки.

«Зато живой. Отличный сюжет для книги. Вот издатель обрадуется», — подумал он, и губы сами собой растянулись в кривой усмешке.

Воронцов почувствовал, как адреналин отступает, оставляя место какой-то весёлой злости.

Солнце опускалось всё ниже. Воздух посвежел, пахло сыростью из придорожной канавы. Аркадий вышел на дорогу и пошёл в ту сторону, куда уехал его «спаситель». Прошло, по его внутренним ощущениям, не меньше часа. Ноги начали гудеть.

Наконец сзади послышался звук мотора. Он поднял руку. Из-за поворота выползла старая «Нива» с прицепом. Аркадий постарался выглядеть максимально прилично: выпрямил спину, попытался улыбнуться углами рта.

«Нива» поравнялась с ним. За рулём сидел седоусый дед в кепке, рядом — такая же пожилая бабуля в платочке. Их взгляды остановились на Аркадии — бородатом человеке в грязной, сильно мятой одежде, с разбитым лицом.

Бабуля тихо ойкнула. Дед кхекнул и втопил газ. «Нива», чихнув сизым дымом, резко ускорилась, обдав Аркадия облаком выхлопных газов и пыли.

Аркадий медленно опустил руку. Сплюнул горькую пыль.

— Понятно, — сказал он вслух пустой дороге. — Вид у меня такой: картина Репина «Не ждали», версия 2.0.

Он попытался стряхнуть пыль с одежды и тут же понял, что это бесполезно. Выдернул изо рта шатающуюся коронку и убрал в карман брюк.

«Пригодится, — подумал Аркадий, — как вещдок».

Ждать следующую попутку было бессмысленно, поэтому он пошёл дальше.

Летний день догорел. Небо на западе стало густо-лиловым. Звёзды здесь, вдали от Москвы, висели низко — казалось, их можно собрать рукой.

Уже в глубоких фиолетовых сумерках, когда дорога превратилась в чёрную ленту, сзади раздался агрессивный бас сабвуфера. Его нагнала красная Mazda. Стекло пассажирской двери поползло вниз. Оттуда пахло сладким паром. Несколько парней лет двадцати уставились на него. Один подсветил телефоном лицо писателя.

— Ого, — присвистнул он. — Бро, ты с того света пешком идёшь? Или гопник-стайл?

Остальные загоготали.

— Парни, — устало начал Воронцов, — дайте позвонить. Телефон украли. Можете до города подбросить?!

Парень с телефоном заржал громче всех.

— Позвонить хочет, слышали? Ага! — Он показал свой iPhone последней модели. — Топай, скамер, пешочком. Для здоровья полезно.

Стекло поднялось. Взревел мотор, машина прыгнула вперёд и быстро скрылась, оставив после себя лишь низкочастотный гул, вибрирующий в грудной клетке.

Воронцов сплюнул. Посмотрел вслед красным огонькам.

— Спасибо, — пробормотал он в темноту. — Вы очень помогли русской литературе.

Он пошёл дальше. Колени почти не сгибались. Впереди, сквозь частокол деревьев начали проглядывать тёплые жёлтые огни. Постоянный, неподвижный свет. Это были фонари. Населённый пункт — спасение или новые проблемы? Ему было уже почти всё равно. Лишь бы дали воды.

Глава 3

Он добрёл до таблички с названием «Дорофеево». На окраине почти не было фонарей, окрестности тонули в сизом мороке тумана — лишь кое-где чернели силуэты крыш. В воздухе стоял аромат мокрой древесины и трав: запах настоящей сельской глубинки.

Первым, что он увидел, был деревенский колодец. Такой же он когда-то знал в рязанской деревне, у бабушки с дедом. Ведро оказалось на месте. С грохотом оно опустилось в жерло железобетонной трубы. Звук падения вышел глухим, утробным. Аркадий почувствовал слабость. Руки предательски задрожали от напряжения, когда тяжёлое ведро пошло вверх.

Он достал его и жадно начал пить. Вода показалась сладкой. Он пил довольно долго, громко глотая холодную воду и чувствуя, как она прокатывается по пищеводу жидким льдом. Потом умылся. Вода смыла дорожную грязь, но гематома под глазом отозвалась тупым, пульсирующим эхом. Воронцов присел на маленькую лавочку у колодца и принялся осматриваться.

Ночь выдалась очень тёплой. Дневная жара спала, но сумерки не принесли прохлады. Стало не так жарко, как днём: липкий зной сменился ночной духотой. Из низин полз туман, обволакивая корни деревьев молочной дымкой. Комары кружили роем, двигаясь синхронно. Некоторые норовили укусить в гематому подбитого глаза — там кожа натянулась и манила насекомых сильнее любого фонаря. Их было очень много; казалось, в деревне их даже больше, чем на просёлочной дороге и в лесу.

Посидев несколько минут, Аркадий осознал, что идти дальше некуда. Пока он шёл через лес, у него была цель — добраться до населённого пункта. Но теперь, стоя на окраине Дорофеево, он вдруг понял, что не знает, что делать дальше. Цель исчезла, оставив после себя звенящую пустоту. Плана «Б» не было. Сон начинал обволакивать уставшего писателя.

Воронцов решил поискать ночлег. В полуночных сумерках, подсвеченных тусклым фонарём, на противоположной стороне улицы он заметил «Ниву» с прицепом — ту самую, в которой ехала пожилая пара, не подобравшая его на дороге. Решение пришло само собой: дерзкое и практичное. Он переночует в прицепе. Там сухо — это лучше, чем спать на голой земле в компании клещей. Рано утром он выберется и пойдёт искать полицейский участок. Никто ничего не заметит, убедил себя Аркадий. В конце концов, сон в чужом прицепе — это мелкое хулиганство, а не кража.

Воронцов дошёл до дома с прицепом и огляделся. Сердце учащённо билось. У забора рос огромный лопух: листья размером с автомобильное колесо, мясистые, покрытые шершавым ворсом. С усилием ему удалось вырвать несколько штук. Он забрался в прицеп и, как мог, накрылся листьями. Некоторые запихнул под рубашку и в брюки, соорудив нелепый шуршащий панцирь, чтобы комары не добрались до кожи. Самым большим листом накрыл голову. За день тележка нагрелась: металл дышал накопленным теплом, словно печь. Вытянуться во весь рост не получалось, пришлось свернуться калачиком. Под монотонное, сводящее с ума жужжание насекомых Аркадий начал погружаться в сон — тревожный и зыбкий.

Сон был неглубоким. Сквозь него он слышал писк комаров и то, как несколько раз вдалеке проезжали мотоциклы. Рычание моторов то нарастало, разрывая тишину ночи, то затихало вдали. Под утро гул стал похож на звук мопеда — назойливый и трескучий. Писатель открыл глаза и увидел пролетающий над селом беспилотник. Смертельная угроза на фоне уже светлеющего неба. Аркадий не испугался: он просто не осознал до конца, что происходит. Мозг отказывался верить в реальность дрона над дорофеевскими лопухами. Проводив взглядом летательный аппарат, он сел в прицепе и протёр левый глаз.

Правый открывался лишь узкой щелью. Воронцов понял, что больше не уснёт.

Где-то позади на горизонте занималась заря. Небо на востоке посветлело, сначала став светло-серым, а потом — нежно-персиковым. Послышались голоса первых петухов, и вскоре

вся деревня взорвалась птичьей перекличкой. Он всматривался в даль, в туманные очертания села, и всё больше погружался в воспоминания: бабушка, деревня, блины на завтрак... Аркадий почувствовал сильный голод.

Небо всё больше озарялось рассветным солнцем. Золотые лучи подсвечивали росу, рассыпая искры на траве. Любой человек замер бы в восхищении перед этим торжеством природы. Но Аркадий больше не любовался рассветом.

У него созрел план. Холодный расчёт вытеснил жалость к себе. Он решил повернуть всё, что с ним произошло, в свою пользу. Сидя в неизвестной деревне, на чужом прицепе, слушая, как просыпается природа, он чувствовал, как внутри разгорается знакомый азарт творца. Это был шанс не просто написать новую книгу, но и пропиариться на своём исчезновении.

Исчезновение модного автора — инфоповод, который стоит миллионы. Неделя тишины — и соцсети кипят: «Убили? Забрали спецслужбы? Ушёл в секту?»

Издательство в недоумении. А герой-одиночка в это время пьёт воду из старого колодца села Дорофеево. Главное — запомнить это чувство пустоты, чтобы перенести его на бумагу. Читатель всегда чувствует, когда автор страдает по-настоящему, а не имитирует страдания.

План оформился окончательно. Это больше не было похищением. Это была самая дерзкая рекламная кампания в истории современной литературы.

Аркадий вылез из своей импровизированной кровати. Прицеп заскрипел. Он встал, пошатываясь, и провёл рукой по бородатому лицу. Боль под глазом никуда не делась, но теперь она стала частью образа.

Бодро и уверенно Воронцов пошёл осматривать окрестности села. Согласно новому плану, ему нужен был не полицейский участок, а медпункт.

Глава 4

Воронцов бродил по деревне около часа, привлекая внимание уже проснувшихся сельчан. Кто-то наблюдал за ним из-за тюлевых занавесок. Кто-то осторожно выходил на крыльцо с ведром — и так и замирал, стараясь остаться незамеченным, провожая взглядом бредущего, сильно измятого бородатого незнакомца.

Населённый пункт оказался больше, чем представлял Воронцов. Село выглядело ухоженным: палисадники утопали в цветах, наличники на окнах многих домов были резными, хотя сами окна сверкали новым пластиком — этакий деревенский хай-тек.

Каждая улочка своим уютom всё больше напоминала ему деревню, где жили его старики. Аркадий погружался в тёплые воспоминания о пирожках с яблоками — и тут же отгонял их прочь.

— Не время для сантиментов, Аркаша, — пробормотал он себе под нос.

Его план был прост до безобразия: разыскать медпункт, притвориться больным и попросить о помощи, чтобы задержаться в селе на несколько дней.

— В больницах и кормят, и койку предоставляют. Почти санаторий, — размышлял Аркадий, приближаясь к небольшому пруду.

Несмотря на раннее утро, в пруду плескались двое мальчишек лет десяти. Аркадий решил начать опрос местного населения. Он подошёл к берегу и окликнул детей:

— Пацаны, — хрипло позвал он, — выручайте. Где у вас тут медпункт?

Мальчишки перестали бултыхаться, вынырнули по пояс и уставились на него с любопытством.

— Дядь, а вы кто? — спросил тот, что был в синей панаме.

— Парни, я столичный писатель, немного уставший после встречи с реальностью.

В этот момент из-за забора ближайшего к пруду дома высунулась голова женщины в маленькой соломенной шляпке с большим красным цветком. Она наострила уши, будто радар, дослушала монолог Аркадия и скрылась. Через минуту появилась снова — теперь уже оперлась всем весом на калитку.

Пока мальчишки рисовали палочками на песке карту, к ним подъехал полицейский мотоцикл «Урал» с коляской.

При виде полиции Аркадий удручённо вздохнул. Про себя отметил: полиция тут совершенно некстати. Его «гениальный» план начал трещать по швам.

— Так, граждане отдыхающие, — пробасил полицейский, оглядывая писателя. — Участковый уполномоченный капитан Степашин. Документики ваши попрошу.

Из дома рядом с прудом вышла та самая женщина.

— Василич! Я тебе говорю, это извращенец! — заголосила она на всю улицу. — К детям приставал! Бородой своей махал! Глаза такие... беглые! Зэк, наверное!

— Успокойтесь, я писатель, — устало попросил Аркадий.

Степашин проигнорировал этот диалог, пристально осмотрел фингал под глазом Аркадия и его искушенные комарами руки и лицо.

— Документы предъявите, гражданин-турист.

— Понимаете, товарищ старший участковый, — начал было Аркадий, — перед вами жертва урбанистической жестокости. Я писатель. Воронцов — моя фамилия. Провёл творческую встречу с народом в центре Москвы, а народ меня обобрал, — подытожил он.

Капитан — молодой парень лет двадцати шести — даже бровью не повёл.

— От Москвы до нас, если вы не знали, девяносто восемь километров. Обокрали в центре Москвы, а сюда телепортировались, что ли? И чем это от вас несёт? Не то перегаром, не то дихлофосом?

— Это парфюм такой — «Кирпи», — парировал Аркадий.

Полицейский усмехнулся и резко прервал его, взяв за локоть стальной хваткой.

— Значит, парфюм. Пойдите-ка.

Аркадий вздохнул: ему снова не верили.

Капитан бегло, брезгливо, но энергично похлопал его по карманам брюк. Из правого кармана выпала коронка. Воронцов поднял её, сдул пыль и убрал обратно в карман.

— Негусто. Ну что, Гоголь, поедem выяснять личность. В участок.

— Может, я сам дойду?

— Шлем надень и в люльку садись, деятель. А то убежишь ещё — придётся собаку вызывать.

Аркадий в потёртом мотошлеме забрался в коляску мотоцикла. Пока они тряслись по селу, поднимая пыль, он думал о превратностях судьбы.

— Вот это влип, — прошептал он, подпрыгивая на ухабе и придерживая правую сторону лица. — Лауреат премии «Метафорическое перо», автор бестселлеров едет в люлке «Урала».

Он ехал и вдруг вспомнил, как дедушка катал его в детстве на точно таком же мотоцикле с коляской. Правда, тогда вместо шлема была вязаная шапка, а в руках — банка с карасями. Аркадий мотнул головой и снова отогнал нахлынувшие воспоминания.

Мотоцикл с капитаном Степашиным и съевшимся в коляске писателем подъехал к большому дому на перекрёстке. Вывески на соседних зданиях гласили: «Дорофеевский сельский клуб» и «Магазин». Рядом с клубом стоял памятник героям Великой Отечественной войны — солдат с поднятым над головой автоматом Калашникова. Всё пространство вокруг памятника было обрамлено зеленью и цветами.

На большом доме над входом красовался местный герб: белка, сидящая на еловой ветви с шишками. Справа от двери висели таблички: «Фельдшерско-акушерский пункт», «Администрация Дорофеевского сельского поселения» и «Полиция». На каждой было указано время работы и время обеденного перерыва.

Внутри дом был разделён на части. Самое большое помещение отвели под сельсовет. Дальше всего по коридору находился медпункт. Самая ближняя дверь вела в полицейский участок. На самом видном месте в коридоре был закреплён информационный стенд «Наша гордость». На стенде были фотографии военнослужащих СВО; некоторые портреты — с чёрными ленточками.

На двери участка было написано: «Участковый уполномоченный капитан Степашин Степан Васильевич».

Внутри всё было новое и чистое. Видно было, что цивилизация дошла до Дорофеевского участка полиции. В комнате метров пятнадцати уместилось всё необходимое для сельских органов правопорядка. В дальнем углу, подальше от окон, притаилась клетка для задержанных — два на один метр.

Скамья внутри была новая, но слегка припылённая. Было件нятно, что «VIP-клиентов» здесь почти не бывает.

— Прощу, — капитан открыл решётчатую дверь. — Ваши апартаменты. Постельное бельё не выдаём — это вам не поезд.

— Кормить тоже не будут? — усмехнулся Аркадий и шагнул внутрь клетки.

— Ладно, Пушкин, посиди пока, — буркнул капитан, запирая замок. — Сиди тихо. Сейчас принесу тебе что-нибудь перекусить и будем решать, куда тебя телепортировать.

— Воды ещё принесите, пожалуйста. И умыться я могу? — крикнул Воронцов вслед уходящему капитану.

Степашин сделал вид, что не услышал, и вышел из участка.

Дверь закрылась. Аркадий остался один. Он посмотрел на припылённую скамью, потом на свои изгвазданные вещи.

— М-да, Воронцов, — сказал он вслух. — Добро пожаловать в литературный салон премиум-класса. Всё включено: общество насекомых, нары, бесплатная тарелка еды и звонок другу.

План «Б» накрылся медным тазом. Нужно было срочно придумывать план «В».

Писатель лёг на скамью, закинул руки за голову и уставился в потолок. Он хотел подумать, как отсюда выбраться с пользой для себя. Закрыл глаза и, сам того не замечая, через несколько минут погрузился в сон.

Глава 5

В коридоре большого дома началась утренняя суета. Люди за дверью приходили и уходили, что-то выясняли. Гул голосов сливался со звуками улицы: где-то лаяла собака, тарахтел трактор. Всё это Аркадий слышал сквозь дрему. Но ему было спокойно — он продолжал дремать, хотя узкая лавочка была не просто неудобной, а откровенно враждебной к человеку.

Аркадий резко открыл глаза: его озарила новая идея. В этот раз он решил ничего не делать. Не лезть никуда, не врать, но и не качать права столичной знаменитости. Просто попытаться остаться в селе ещё на несколько дней. Приняв это решение, он снова закрыл глаза и продолжил дремать.

Вскоре в опорный пункт вернулся капитан Степашин. В руках у него была эмалированная тарелка, от которой шёл пар. На тарелке лежала молодая варёная картошка, два небольших малосольных огурца, источавших чесночный аромат, варёное яйцо и ломтик хлеба.

Капитан взял деревянный табурет, стоявший у окна, постелил на него старую ориентировку, которая лежала на столе, и поставил на этот импровизированный стол тарелку. Потом подошёл к решётке.

— Эй, писатель, — тихонько позвал Аркадия капитан, — я тут тебе поесть принёс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.